

МИР БОЛЬШОЙ ТЬМЫ

ПОСЛЕ ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ

Алексей Махров, Борис Орлов

ЭПИЦЕНТР ТЬМЫ

Алексей Махров
Борис Орлов
Эпицентр Тьмы
Серия «Мир Большой Тьмы»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2686245

Эпицентр Тьмы: Яуза : Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-49633-4

Аннотация

После ядерной войны 2012 года и наступления Большой Тьмы прошло уже 30 лет, но руины Москвы по-прежнему смертельно опасны – чудовищно «фонят» даже столичные окраины и подмосковные леса, а ближе к центру дозиметры просто зашкаливает, и летальную дозу можно получить за считанные минуты. Однако ни лучевая болезнь, ни слухи о мутантах-людоедах, ни банды «бредунов», готовых убить за глоток чистой воды, кусок хлеба или пару патронов, не могут остановить смертников, пробирающихся в ЭПИЦЕНТР ТЬМЫ. Что заставляет их, рискуя жизнью, рваться в испепеленный радиоактивный город? Ради чего они готовы идти на верную гибель? Что надеются найти в секретных бомбоубежищах и лабиринтах московского метро?..

Читайте новый роман от авторов бестселлера «Спасай Россию!» – продолжение саги о Мире Большой Тьмы.

Содержание

Первая часть	5
Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Алексей Махров, Борис Орлов Эпицентр Тьмы

Первая часть Оттенки Тьмы

Глава 1

За всю долгую холодную ночь Истомин не заговорил ни разу. Он даже не шевелился, и временами мне казалось, что он уже отошел. Но нет – над его лицом висело легкое, почти незаметное облачко пара. Истомин все еще дышал.

Я нашел эти развалины вчера, уже в сгущающихся сумерках. Можно сказать, повезло... Несмотря на дырявую крышу, покрытые черными пятнами плесени стены неплохо защищали от ветра. А небольшой костерок, сооруженный мной из трухлявых брусков, бывших когда-то рамами дверей и окон, давал достаточно тепла, чтобы не околеть. Я даже умудрился вскипятить в кружке немного воды, но Истомин пить не стал, поэтому я согрел брюхо в одиночестве.

Незадолго до рассвета Истомин пошевелился.

– Боря! Борис! Ты где? – позвал он слабым голосом.

Я наклонился над ним. Глаза Истомина были закрыты.

– Я здесь, Валера, я здесь! – Чтобы успокоить товарища, я взял его за руку, и он неожиданно крепко вцепился в ладонь.

– Боря, я умираю.

– Да, – я не стал уверять друга, что у него легкое недомогание и он скоро поправится. Зачем? Истомин сам прекрасно знал всю горькую правду.

– А до Москвы еще очень далеко!

– Да.

Истомин замолчал, словно этот короткий диалог выпил из него последние силы. Из пустой глазницы окна потянуло предутренним холодком. Я поежился и постарался поглубже опустить голову в воротник бушлата. Однако холод уже забрался под одежду, и меня потихоньку начало трясти. Май на дворе, а холод, словно поздней осенью до Тьмы. Осторожно освободив руку из цепкого захвата Истомина, я встал и прошелся по периметру помещения, собирая деревяшки. Аккуратно подкинув в костер дровишек, я вылил остатки воды в кружку и поставил ее на огонь.

Если бы не Истомин, я бы вообще никогда не добрался так далеко на юг. Именно на центральные области страны тридцать лет назад пришелся основной удар, и местность здесь представляла жуткий лес. Жуткий в том плане, что растущие в нем деревья были под влиянием радиации каки-

ми-то... пугающими: дико перекрученные стволы; торчащие строго вертикально или строго горизонтально ветки; пушистые кисточки вместо иголок у мутировавших сосен; огромные, с кулак величиной, ягоды малины; трава ядовито-зеленого цвета. Иногда в общей массе деревьев попадались и все кошмарные экземпляры – пару раз я видел нечто, напоминающее застывший взрыв, с иссиня-черными листьями. И только по форме последних можно было догадаться, что «это» когда-то было кленом. Периодически среди этой тайги встречались развалины небольших городков. Впрочем, чем дальше мы заходили на юг, тем больше нам попадалось развалин и тем крупнее они становились. Когда-то тут жило много людей.

– Борис! – снова подал голос Истомин.

Я посмотрел на него. На этот раз его глаза были открыты, и в них плескалась печаль.

– Прости, что я не довел тебя, – виновато сказал Истомин.

– Не переживай, дружище, ты и так сделал много больше того, чем обещал!

– Да, – кивнул Валера и снова замолчал.

Вода в кружке уже согрелась, и я предложил ее Истомину. На этот раз он не стал отказываться и сделал пару глотков. Это придало ему немного бодрости, и Валера заговорил:

– Прости, что не довел. Но кроме нашего задания, я возвращался в родные края в надежде исправить одну свою давнюю ошибку. На моей душе лежит тяжкий грех...

Я молчал. На мне самом была целая куча грехов. Тяжелых и не очень. Однако в прошлом у Валеры было что-то более страшное, раз он, умирающий от рака, поперся на юг. Наклонившись, я помог Истомину сделать еще несколько глотков горячей воды.

Целых два года – огромный по нынешним меркам срок – мы с Валерой воевали на севере против балтийцев и скандинавов. Там, на Ижоре и Двине, война не утихала уже двадцать лет, то разгораясь, то затухая. Земли там были живые, не тронутые бомбардировкой – на Новгород даже не упало ни одной боеголовки, поэтому балтийцы, шведы и финны регулярно наведывались в те края за данью и рабами. Естественно, что местным такое отношение не нравилось, и они давали незванным гостям достойный отпор. Понятно, что силы были не равны – легкая стрелковка против боевых вертолетов. Полуголодные партизаны против откормленных десантников-карателей. Но, к счастью для местных, ни финны, ни шведы не могли выставить достаточно больших подразделений, чтобы тотально зачистить местность. Так и тлел там вялотекущий конфликт, где долгие периоды затишья перемежались небольшими стычками. Вот после одной из таких стычек мы с Истоминим и стали друзьями.

До этого Валера больше года состоял в моем отряде взводным, однако дальше чисто приятельских отношений дело не заходило. Да, Истомин был хорошим человеком, но как-то не сложилось у нас с ним. Отряд небольшой – всего сотня

стволов, и ты изо дня в день видишь одни и те же лица, часто сталкиваешься с одними и теми же людьми в быту и по службе. В дозоры вместе ходишь и в баню. Только поддерживать со всеми дружеские отношения невозможно – так, на уровне: «Привет, пока, как здоровье...»

Но в том бою Валера неожиданно прикрыл меня грудью от вражеской пули. А я потом пять километров волок его, раненого, на горбу по бурелому. И приволок в лагерь живым. После этого мы с ним и сошлись. Встретились, что называется, два одиночества – и он и я были пришлыми. У каждого за плечами своя нелегкая история. Впрочем, хоть мы и стали друзьями, делиться своим прошлым не торопились. К тому же мы оба были ребятами неразговорчивыми. Иной раз товарищи по отряду удивлялись – мы с Валерой могли часами молча сидеть бок о бок у костра, не проронив при этом ни единого слова.

А этой весной у Истомина обнаружили признаки рака легких. Ранение даром не прошло. Рак в наших краях после наступления Тьмы – явление частое. Жить ему оставалось недолго. Впрочем, как и мне, – после тяжелой контузии меня стали мучить боли в спине, особенно в средней части. Боль усиливалась по ночам, распространяясь через бедра к ногам вплоть до ступней. Да так, что я с трудом мог ходить. Начальник армейского госпиталя, старенький доктор, имевший практику еще до Тьмы, поставил мне диагноз – злокачественная опухоль позвоночника. Что плохо поддавалось ле-

чению даже до катастрофы, а в наших условиях было смертным приговором.

Нормально выполнять свои обязанности я уже не мог, вот тогда меня и вызвали в Объединенный Штаб и предложили эту миссию, пригодную только для смертников. А Истомин согласился провести точно до нужного места.

И вот мы здесь – в заросшей диким лесом местности, когда-то именовавшейся Московской областью. Славно здесь во время Тьмы погуляла смерть – я видел несколько прогалин, покрытых стеклянной коркой, – эпицентры взрывов. Впрочем, остаточный фон здесь уже довольно низок – как-никак больше тридцати лет с войны прошло.

– Борис, я никогда не рассказывал тебе этого, но сейчас мне очень нужна твоя помощь, – тихонько сказал Валера. – Пожалуйста, обещай мне, что постарайся, просто постарайся выполнить мою последнюю просьбу!

– Хорошо, дружище, я обещаю! – кивнул я. – Что я должен сделать?

– Я прошу тебя отнести в Электрогорск вот эту вещь! – Истомин осторожно выудил из потайного кармана на поясе небольшую черную пластинку. – Это электронный ключ от системы управления «Стальным кольцом». Это оборонительный пояс моего родного городка. Управляемые минные поля и автоматические огневые точки. Эту оборонительную систему создал мой отец – полковник Истомин. Создал сразу после наступления Тьмы. Это он собрал в бывшем воен-

ном городке беженцев из Москвы. Всех, кто уцелел. Ты же знаешь – от столицы даже щебенки не осталось. Но очень многие успели укрыться в метро – это такой транспорт был. Подземные электропоезда. Долго там было не просидеть – но через несколько дней, когда основная радиация спала, люди вышли на поверхность, и несколько тысяч, ведомых моим отцом, сумели добраться до базы Росрезерва в Электрогорске. Там были запасы продовольствия. Большие запасы. Очень большие запасы. Километры тоннелей, заполненных мешками с мукой, сахаром, ящиками консервов. Те люди, кто не схватил в первые дни Тьмы большую дозу, сумели выжить благодаря этим запасам. Выжить... Просто выжить... Мне было тогда восемь лет, но я прекрасно помню, как мы строили дома, разбирая на кирпичи развалины. Как сколачивали мебель из обгорелых деревяшек. Как бурили артезианские скважины.

Истомин замолчал, измученный длинной речью, и я поднес к его губам кружку. Он жадно допил остатки воды и продолжил:

– Да, мы выжили, но очень скоро вокруг городка стали появляться банды мародеров. Эти скоты отбирали у чудом уцелевших после бомбардировки людей последние крохи еды, последнюю одежду. Тех, кто сопротивлялся, – убивали. Забирали женщин и делали их своими подстилками. Гады, гады...

Валера захрипел, пуская изо рта кровавые пузыри. Жить

ему оставалось считанные минуты. Но он решил потратить эти драгоценные последние мгновения на свой рассказ.

– Отец воевал с мародерами. Ловил их и вешал. Он организовал в городке отряд самообороны. Нашел большие склады оружия и боеприпасов на территории кадрированной дивизии. Мобзапасы... Но силы были неравны – мародеров становилось все больше. А уж когда они узнали, что мы сидим на огромном складе продовольствия... Нападения стали ежедневными. На наше счастье, мародеры не догадались объединиться, и мы довольно легко отбивали разрозненные атаки небольших банд. Но долго так продолжаться не могло. Способных держать в руках оружие у нас было всего несколько сотен. Из них профессиональных военных – три десятка. Тогда отец стал строить вокруг города оборонительный пояс. Среди беженцев нашлось достаточно инженеров, рабочих и специалистов-электронщиков. Все-таки они были жителями одного из крупнейших индустриальных мегаполисов мира. Систему обороны, позже названную «Стальным кольцом», сделали почти полностью автоматической – она могла управляться из единого центра небольшой, всего в десятков человек, командой. После этого потери от нападений мародеров среди жителей городка прекратились. Надо было только регулярно обновлять минные поля и пополнять патронные короба в огневых точках. Впрочем, атаки скоро прекратились – бандиты, полностью разграбив окрестности и убедившись, что мы им не по зубам, откочевали из

зараженной зоны на юг и север. Два года мы, прикрываемые «Стальным кольцом», прожили спокойно. Люди расслабились. Но тут начались внутренние проблемы – не всем жителям города были по нраву строгие порядки осажденной крепости, введенные отцом. Потихоньку возникало недовольство – люди, забыв, кто спас их и дал надежду на продолжение жизни, стали роптать. Какие-то ублюдки даже организовали «демократические выборы», чтобы свергнуть, как они выражались, «власть военной хунты». Отец не стал воевать с собственным народом – он передал управление городом вновь избранному «Комитету спасения», состоящему из «самых достойных людей», – последние слова Истомин произнес с нескрываемой злобой. – Отец оставил себе только функции управления обороной. Но и этого новым хозяевам показалось много – они решили подчинить себе военных. Испытывая постоянное давление и нападки, бойцы отряда самообороны постепенно переходили на сторону «Комитета спасения». Только кадровые военные, еще помнящие, до чего в девяностые годы довели страну либерасты, отказывались подчиняться новой власти. Вскоре дошло до открытого столкновения, но отец сумел быстро погасить конфликт. Однако неожиданно его здоровье пошатнулось, и он умер. Я подозревал, что демократы из «Комитета» как-то причастны к его смерти, но доказать ничего не мог. Тогда я решил отомстить – украл ключ системы управления «Стального кольца» и бежал, оставив город без надежной обороны. Впрочем,

среди окрестного отребья Электрогорск до сих пор слывет неприступной твердыней – бандиты так и не решились снова напасть на город.

Истомин снова закашлялся. Его тело выгнулось дугой. Конец был близок. И я ничем не мог ему помочь. Только скрасить последние секунды. Поэтому я не стал говорить Валере, что возвращение ключа – благородный, но бесполезный жест. Наверняка те же самые электронщики, что вместе с полковником создавали оборонительный пояс, сразу после похищения ключа вскрыли доступ к системе помимо блока управления. А потом сделали новый ключ. Или два. Или десяток – на всех членов «Комитета спасения». А если и не вскрыли и не переделали, то что мешало военным переустановить минные поля и перевести огневые точки на ручное управление? Эх, Валера, Валера...

Однако Истомин, прокашлявшись, прошептал еще несколько слов, которые делали мой поход в Электрогорск не таким бесцельным. А потом я, спрятав электронный ключ в тайник, сделанный в полум каблуке, просто сидел и смотрел, как Валера умирает, бессильный ему помочь. Ветер разгулялся не на шутку, по-разбойничьи свистя в проемах дверей и окон. Костер прогорел до углей. Легкое облачко пара над губами Истомина становилось все меньше и меньше, пока не рассеялось совсем.

Я закрыл Валере глаза и накрыл его лицо одеялом. Потом неторопливо, но обреченно огляделся – надо бы похоронить,

но как? Попытаться расковырять слежавшуюся землю перочинным ножом?

Я встал и прошелся по развалинам, подыскивая подходящее для последней стоянки друга местечко. Но везде было одно и то же – грязь, мелкий мусор, серая пыль. Краем глаза я вдруг заметил за окном мелькнувшую тень. Рука сама упала на рукоятку автомата. Я спрятался в проеме и осторожно выглянул наружу. Так... дергаться уже поздно – дом плотно окружен, их много, и у них как минимум два пулемета. Я уже давно уяснил разницу между отвагой и безрассудством, поэтому снова уселся рядом с телом Валеры и принялся ждать.

Они вошли минут через десять, убедившись, что я здесь один. Осторожные! Судя по одежде и снаряжению, типичные бредуны. Такие же бродяги, как и я. Старший по возрасту и, видимо, по «рангу» занял позицию, позволяющую ему контролировать дверь, окна и меня. Двое молодых, стараясь не перекрывать старшему директрису, подошли ко мне с разных сторон. Тот, что был слева, – черноволосый паренек с тонким белым шрамом на щеке откинул одеяло с тела Истомина. А второй, зайдя со спины, очень медленно, двумя пальцами, подхватил за ремень лежавший рядом со мной «калаш» и сразу сделал три шага назад. Только тогда старший спросил:

– Кто ты?

– Бредун, – стандартно ответил я. – Ищу, чем поживиться.

– Далековато ты забрался, мил человек, – усмехнулся

старший, – ничего ценного здесь с самой Тьмы нет. А кто это с тобой?

– Мой друг. Он только что умер. Рак легких, – ответил я.

Старший кивнул и сделал знак черноволосому. Тот пощупал у Валеры пульс, расстегнул на нем куртку, быстро и уверенно обыскал одежду, а потом сказал:

– Готов! Недавно – еще теплый. Ран на теле нет. Не ограблен.

Старший молча кивнул, принимая информацию к сведению. Секунду подумав, он недвусмысленным взмахом ствола предложил мне подняться. Я подчинился. Стоявший за спиной парень, аккуратно прислонив к стене свой и мой автоматы, подошел и стал меня довольно грамотно обыскивать, начав с ботинок. Впрочем, достав из моего кармана какой-либо предмет, он, глянув на него мельком и убедившись в отсутствии угрозы, клал его обратно. Да у меня там почти ничего и не было. Так... Спички, самодельная зажигалка, кисет с махоркой, чистый платок для перевязки, складной ножик. Патроны.

– Ни гранат, ни пистолета, ни ножа. Только перочинный. Два рожка, – доложил парень через пару минут.

Старший снова молча кивнул, и паренек быстро вскрыл наши тощие рюкзаки.

– Смена белья, портянки, свитер. Пара сухарей. Какие-то ампулы, шприц.

– Ага! – наконец подал голос старший. – И правда бредун.

А что за ампулы?

– Мое лекарство. Я болен, – ответил я.

Старший сочувственно глянул на меня и приказал:

– Степа, верни ему вольту, только...

Обыскивавший меня парень по имени Степа понятливо кивнул. Перед тем как протянуть мне «калаш», он отсоединил от него магазин и проверил патронник. И то ладно! Вернули оружие – это такой жест доброй воли. Вроде как первоначальную проверку прошел, и на мое барахло они не покушаются. Значит, ребята честные.

– Ни еды, ни воды! – констатировал очевидное старший. – Ты словно за смертью сюда пришел!

Я неопределенно качнул головой, вроде бы соглашаясь. Его слова – преамбула. А что он скажет дальше?

– С нами пойдешь? У нас тут недалеко лагерь, и люди нам нужны, – озвучил предложение старший. – А с ним, – он кивнул на тело Валеры, – мы тебе поможем. За долю малую.

Я, подумав, согласился. А куда мне было деваться? Зараженные земли тянулись уже три дня, а еда у меня кончилась. Не рассчитывал я, что Валере по дороге станет хуже и мы проведем в пути на неделю больше времени. Сдохнуть здесь? Ну уж нет!

Приняв мое согласие, старший, которого все звали «Тихий», распорядился похоронить Истомина. Бредунов оказалось почти два десятка, и у них в грузовике были лопаты. Поэтому яму выкопали довольно быстро. «Малой долей» ре-

шили считать Валерин бушлат, рюкзак, ботинки и половину патронов. Его автомат и оставшиеся патроны отдали мне. Споро закидав неглубокую яму землей, бредуны дали мне постоять над могилой друга пару минут. Тихий даже прочитал короткую молитву. Затем бредуны организованно погрузились в старый (а откуда здесь взяться новому?), но ухоженный «Урал» с самодельной деревянной будкой в кузове, и мы покатали куда-то на юго-восток. Как раз примерно в ту сторону, где находился нужный мне Электрогорск.

Глава 2

Мы ехали весь остаток дня до самой темноты. Парни попались неразговорчивые. И вообще больше напоминали каких-то боевых роботов – как залезли в машину, так и сели неподвижно, поставив оружие между колен и уставившись прямо перед собой. Только Тихий задал мне пару вопросов о дороге, по которой я забрался в эти края. Внимательно выслушав ответ, он тоже отключился и, казалось, задремал. О том, куда именно мы едем, мне не было сказано ни слова. А специально интересоваться я не стал.

От дыхания двух десятков человек в закрытой будке быстро стало тепло, даже жарко. Я расстегнул бушлат, а мои неожиданные попутчики словно и не заметили повышения температуры. Поколебавшись, я прошел в переднюю часть кунга, где было прорезано небольшое застекленное окно. Двое парней, сидящих у самой двери и, видимо, исполняющих функцию караульных, проводили мое перемещение равнодушными взглядами – что я мог им сделать с пустым автоматом? Формально принадлежавшие мне патроны лежали в рюкзаке, который стоял возле Тихого. Впрочем, я не боялся – жизнь давно научила меня некоторому фатализму. Если бы меня хотели убить, прельстившись оружием и патронами, то давно бы уже убили. Человеческая жизнь в этих местах со времен Тьмы стоит очень дешево.

Через окошко я долго смотрел на окружающий нас безрадостный пейзаж. Все те же жуткие заросли мутировавшего леса, серый, покрытый глубокими трещинами асфальт дороги и унылые развалины поселков и городков.

Кстати, некоторые из развалин наш водитель аккуратно объезжал по дуге, продираясь через густой подлесок. Словно знал, что они могут представлять опасность. Значит, мы движемся привычной для этих ребят дорогой. Интересно, что ждет меня в ее конце?

За свою длинную жизнь (мне было уже тридцать пять лет – возраст по нынешним временам немалый) я повидал всякого. Тьма застала меня восьмилетним мальцом в детском лагере под Сыктывкаром. Причем лагерь был довольно большой – в него свезли несколько тысяч детей из Москвы. А рядом было еще несколько подобных лагерей, где разместились детишки из Питера. Гораздо позже, уже повзрослев, я догадался, что наступление Тьмы все-таки не было совсем уж полной неожиданностью для правительства нашей страны. Иначе зачем они с таким размахом вывозили (а по сути – просто эвакуировали) детей из крупных городов, размещая их в местах пустых, отдаленных. На которые супостату незачем тратить боеголовки.

Под жильё нам определили не палатки, а быстросборные щитовые дома. И запасы продовольствия в этих лагерях были немалые. И мужская часть воспитателей – в основном из бывших военных. Мы выжили. В первый год умерло всего

несколько человек – от болезней, которые было невозможно вылечить в полевых условиях.

Правда, на следующий год, когда подошли к концу лекарства и витамины... Крупа, макароны и тушенка – не самая подходящая пища для маленьких детей. Поэтому мы были рады прилетевшим на вертолете добрым шведам, привезшим гуманитарную помощь. Наши руководители даже договорились, чтобы шведы вывезли на свой не пострадавший во время Тьмы полуостров самых маленьких ребятишек. В одну из таких партий попал и я...

«Урал» тем временем подъехал к большой стоянке бредунов. Собственно, полноценно оценить масштабы этого лагеря я смог, только выбравшись из кунга. Стоянка была громадной! Мне еще ни разу не приходилось видеть столько вооруженных людей одновременно! Здесь раскинули свои палатки несколько тысяч человек. Это уже не банда. Это армия! И просто так никто бы эту ораву не собрал. Значит, здесь затевается что-то крупное.

– Пошли, бредун, – Тихий взмахом руки показал направление и сразу же двинулся вперед, не сомневаясь в том, что я последую за ним.

Я кивнул и потопал следом. За спиной ко мне сразу пристроилась парочка с автоматами. Куда и к кому мы идем, я спрашивать не стал. А смысл?

На некоторую странность этого «стойбища» я обратил внимание сразу. Но только когда мы пошли по территории,

понял, в чем дело – здесь царил строгий порядок. Которого на стоянках бредунов отродясь (с самой Тьмы!) не было! Палатки и навесы стояли ровными рядами. Вся техника размещалась на отдельных огороженных стоянках. Периметр лагеря охранялся парными патрулями, и такие же патрули встречались нам внутри. Практически не было женщин, да и те, которые изредка попадались на глаза, были, скорее, боевыми подругами, а не шлюхами. За все время нашей неторопливой прогулки я не увидел ни одного пьяного – что вообще было за пределами понимания. Чтобы нормальный бродяга и не оттянулся на безопасной стоянке?

Интересно посмотреть на предводителя, заставившего самых отмороженных и вольнолюбивых обитателей этого мира соблюдать дисциплину!

Прогулка по лагерю заняла почти десять минут – настолько он был велик. Тихого здесь знали довольно хорошо – его приветствовали почти все, кто встречался нам по пути. Тихий в ответ только молча кивал. Шли мы, как выяснилось, к географическому центру лагеря. Именно здесь раскинулась большая армейская палатка, украшенная многочисленными заплатами. Но возле этого непрезентабельного жилища стояло на карауле сразу десять человек. Причем одетых и снаряженных единообразно. На всех были чистенькие шведские анораки военного образца и натертые до блеска (!!!) берцы. На груди у каждого висел АК-74М с подствольником, а на бедре – АПС в кордуровой кобуре. И выглядело оружие но-

веньким – без царапин и потертостей. Это же откуда разом столько богатства на кого-то свалилось? И ведь на свежевскрытый склад мобрезерва не кивнешь – в них все больше АКМы шестидесятых годов лежат да СКС. А такие автоматы, как на этих ребятишках – с пластиковыми цевьями и прикладами, – на склады длительного хранения не закладывали. Я точно знаю – сколько мне этих складов в свое время разыскивать и оприходовать пришлось.

Ох, что-то мне все это перестало нравиться. Эх, Валера, Валера... Кой черт тебя понес в Москву?

– Стой здесь, жди! – скомандовал Тихий и, переглянувшись с охранниками, нырнул в палатку.

Теперь я окончательно убедился, что Тихий – человек непростой. Ну, ладно там, что его пол-лагеря знает, но чтобы вот так, как он, без доклада, на прием к командиру... Хорошо, я подожду, все равно деваться некуда.

Красавцы охранники смотрели на меня равнодушно. Так смотрят на перебегающую тебе дорогу букашку – ты можешь легко ее раздавить, а можешь милостиво перешагнуть. Я тоже, сделав морду лопатой, отвернулся и стал глядеть на лагерь. Вроде бы просто так – для убиения времени. Но понаблюдав за лагерной жизнью минут десять (Тихий что-то задерживался), увидел и еще кое-что интересное – в двух местах небольшие группки бредунов явно занимались боевой подготовкой. И инструкторами у них были чрезвычайно ловкие в обращении с оружием парни, одетые и снаряжен-

ные аналогично охранникам у палатки. Да что здесь творится-то, мать вашу? Что должно было произойти, чтобы бредуны, вместо пьянки и блядок, занимались учениями?

– Эй, бродяга, заходи! – позвал из палатки, приподняв полог над входом, Тихий.

Я дернулся было к нему, но пара охранников моментально заступила мне дорогу. Они быстро, но умело обхлопали мою одежду и освободили от оружия и рюкзака. Под свод палатки я вступал не более опасным для обитателей, чем новорожденный.

Внутри палатка была почти пустой – только у дальней стены стоял небольшой раскладной столик, да виднелась за занавеской раскладушка, аккуратно застеленная шерстяным солдатским одеялом. Из-за стола мне навстречу поднялся высокий широкоплечий мужик лет шестидесяти на вид, одетый в чистенький, даже щегольский «цифровой» камуфляж. Его плечи украшали полевые погоны с двумя большими зелеными звездами. Цельный генерал-лейтенант! Я думал, что такие не выжили – вымерли как мамонты. Или сгорели вместе с Арбатским военным округом. Хотя... судя по повадкам – этот зверь никогда паркетным воякой не был. Вон как смотрит – словно прицеливается.

Я подошел к столу и замер, не зная, как себя вести. Подержав меня «на прицеле» еще секунд пять, генерал сухо улыбнулся и протянул мне через стол руку.

– Командир отдельной легкопехотной бригады Югорос-

сийской республики генерал-лейтенант Белоусов, – представился хозяин палатки.

– Борис Волков. Бредун, – в ответ сказал я. Услышав мое имя, Белоусов и Тихий переглянулись. Тихий едва заметно кивнул.

Генерал гостеприимно указал на стоящий рядом со столом раскладной стульчик. Я присел на краешек, положив руки на колени. Тихий уселся напротив меня. А Белоусов так и продолжал возвышаться над нами.

– А что это за республика такая? – невинно поинтересовался я.

– Образована весной 2015 года и занимает территорию бывшего Южного федерального округа. Столица в Ростове-на-Дону, – любезно пояснил Белоусов.

– Ого! Далековато вас занесло! – восхитился я.

– Ну, мы-то пришли сюда, имея специальное задание, а вот что вы здесь делаете, Борис? – Глаза генерала смотрели мне точно в переносицу.

– Дык, товарищ... или господин... генерал, я это... бредун! – выдавил я. – Хожу, брожу, ищу, чем поживиться!

– Не лгите, Борис! – решительно рубанул рукой генерал. – Вас узнал один из людей Тихого! Ведь именно вы на протяжении семи лет командовали формированием, именуемым «Партизанский отряд имени Зои Космодемьянской», входящим в объединение, называемое Красной Армией, и получили прозвище «Палач Тарту»?

Бля-я-я-я-я-я-я-я-я-я-я! Вот я попал! И что мне теперь ему ответить? Мол, обознался ваш человек – я не тот Борис Волков, а его брат-близнец и одновременно тезка-однофамилец. А собственно, и что? Что он может поставить мне в вину? То, что пока он грел свои косточки на теплом Юге у синего (Черного) моря, я больше двадцати лет насмерть резался со шведами и эстонцами в лесах за Волховом?

Бросив «валять Ваньку», я поменял позу – сел поудобнее, откинувшись на спинку, и даже демонстративно оперся локтем на край стола. Генерал опять переглянулся с Тихим, и тот снова малозаметно кивнул.

– Так что же вы, Борис Волков, здесь делаете? – с нажимом на моем имени спросил Белоусов. – Как вы узнали о нашей операции?

– Да я знать не знаю ни о какой вашей операции! – спокойно сказал я. – Я уже давно не занимаю командные должности. Год назад я был серьезно ранен, не мог ходить. Меня всю зиму выхаживали старушки из затерянной в лесах деревеньки. Выходили, но исполнять командирские функции я больше не мог – контузия дала побочный эффект в виде злокачественной опухоли позвоночника. Жить мне осталось максимум до осени. Вот и решил перед смертью родные края повидать. И мой умерший друг тоже из Москвы и хотел умереть на родине.

– Вы лжете, Борис! – жестко сказал Белоусов. – Подобная сентиментальность для командира вашего уровня? Вы явно

что-то узнали – иначе бы вас здесь не было!

В ответ на этот логически выверенный пассаж я только развел руками и улыбнулся. Какой смысл оправдываться?

Видимо, Белоусов уже все решил.

– Карпов, Опанасенко! – резко позвал он.

Двое давешних охранников мгновенно ввалились в палатку, едва не оторвав полог – наверное, ждали команду. И она прозвучала.

– Взять! – четко сказал генерал.

Карпов и Опанасенко бросились на меня, как коршуны. Однако, хоть они и были наверняка отличными боевиками, но их выучка в непростой науке ближнего контакта значительно уступала ребятам Тихого. Те действовали четко, страхуя друг друга, и не держали готовое к бою оружие в пределах моей вытянутой руки. А эти двое... Да они даже свои роскошные АК-74М на спину не перекинули, рванувшись заламывать мне руки. Краем глаза, уже начиная действовать, я успел увидеть, как поморщился от наблюдаемого непрофессионализма Тихий.

Хрусть! Голова Опанасенко состыковалась лбом со столешницей. Лоб оказался крепче – боец рухнул на пол без видимых повреждений, а стол просто развалился.

Тр-р-р-р-р-рр! Рукав моего бушлата остался в цепкой ладони Карпова. Но взамен я получил свободу маневра и не преминул ею воспользоваться. Ремень автомата каким-то непостижимым образом обвился, словно змея, вокруг шеи

солдата. Он машинально схватился за него и тут же получил удар ногой в живот, который отправил его в недолгий полет к стенке палатки. Хорошо еще, что стенка полотняная – была бы бетонной, затылку Карпова досталось бы по полной.

Щелк! Предохранитель на захваченном в быстротечном бою оружии опущен, и на Белоусова и Тихого смотрит АПС Опанасенко. Хозяин пистолета после близкого знакомства с твердой поверхностью пребывает в блаженной нирване. Не опуская ствола, я быстро снимаю с его бесчувственного тела автомат. Ну вот теперь можно и повоевать!

– Лихо! – даже не изменившись в лице, прокомментировал Тихий.

– И что дальше? – нервно дернув уголком рта, спросил Белоусов.

– А дальше вы вернете мое имущество и лично проводите меня до границы контролируемого вами сектора. Зла я к вам не питаю, будете вести себя спокойно – никто не пострадает! Поверьте – на ваше спецзадание мне наплевать, я действительно провожал сюда умирающего друга. И теперь просто хочу дойти до Москвы.

Белоусов и Тихий переглянулись, и Тихий снова мало заметно кивнул. Что за комедию они ломают?

– Пожалуйста, Борис, опустите оружие! Здесь вам ничего не грозит! – сказал Белоусов. А Тихий при этих словах кривовато усмехнулся. – Будем считать произошедшее досадным недоразумением!

– Быстро! Верните! Мне! Мое! Имущество! – отдельно сказал я, не прекращая целиться в промежуток между собеседниками.

– Хорошо! – кивнул Тихий и негромко позвал: – Степа!

Из-за занавески, скрывающей спальный отсек, вышел напарник Тихого. В руках он держал «винторез». Это что же? Он все время сидел за этой занавеской с оружием на изготовку? Страховал начальство? Да он же легко мог завалить меня в один момент! Но не стрелял. Блин, да что здесь за игра идет?

– Степан! Принеси сюда, пожалуйста, рюкзак и оружие нашего гостя! – попросил Тихий. Именно попросил, предельно вежливо, а не приказал.

– Да, и забери с собой этих долбоебов! – кивнул на поверженные тела охранников генерал. – Совсем здесь распустились! Пора им ежедневный утренний кросс с полной выкладкой устроить!

Степан распутал автоматный ремень на шее Карпова, помог ему встать, и уже вдвоем они подняли Опанасенко и вынесли из палатки. Я опустил пистолет, ожидая развития событий. Вернулся Степа буквально через минуту. Он положил возле моих ног рюкзак и оба автомата, выпрямился и пару секунд ждал от начальства новых указаний. Не дождав-шись, спокойно повернулся и молча вышел.

Я присел и в быстром темпе зарядил свое оружие. Родное-то оно всегда надежней! Внезапно мне в голову при-

шла некая мысль. Я направил трофейный АПС в пол и нажал спусковой крючок. Боек сухо щелкнул вхолостую. Я передернул затвор, выбрасывая негодный патрон, и снова нажал на спуск. Опять осечка! Ну-ка, а еще раз! И снова выстрела не произошло. Та-а-аааак... Я глянул на трофейный автомат, но, перехватив мой взгляд, Тихий отрицательно покачал головой.

– Его можешь не проверять! Он тоже не выстрелит.

– Так что за театр вы мне тут устроили? – поняв, что от разговора «по душам» не отвертеться, я аккуратно отложил в сторону чужие АПС и АК-74М, закинул Валеркин автомат на спину, присел на краешек стула, а свой родной АКМ пристроил на коленях.

– Ты это... не держи зла, Борис! Извини за этот цирк! – впервые с начала разговора Тихий встал и протянул мне руку. – Александр Сергеевич Тихий, майор спецназа ГРУ. Впрочем, в отставку я вышел еще до Тьмы. Но потом пришлось вспомнить навыки... Ныне я полковник армии Югославии. Нам надо было узнать, что ты будешь делать, взяв нас на мушку. Но ты всего лишь захотел уйти. Значит, реально нашими делами не интересуешься.

– Ладно... – кивнул я и крепко пожал руку старому солдату. – Проехали!

– Ты бы, Иваныч, кликнул своих да велел бы им «поляну» накрыть! – обратился Тихий к генералу. – А там бы и поговорили... на этот раз по-серьезному!

Белоусов вызвал бойцов, и через пять минут вместо сло-манного стола стоял новый, уставленный «дарами Юга» – неплохой тушенкой, изготовленной в Ростове уже после Тьмы, квашеной капустой, солеными огурцами и вареной картошкой. Нашлось к такой закуске и то, что положено. Белоусов лично разлил по полстакана водки – довоенной «Столичной».

Я снял порванный бушлат, отставил в сторонку автоматы и, не стесняясь, навалил себе полную миску. Горячего я не ел уже дня три.

– Ну, чтоб пуля мимо пролетела! – выдохнул Тихий, поднимая стакан. – Или, как у вас, пионеров, говорят на первый тост? Свидимся в Артеке?

Я махнул свою водку залпом, занюхав рукавом. «Огненная вода» рванула в пустом желудке, как граната. Я торопливо схватил крепенький соленый огурчик и мгновенно схрумкал половину.

– На будущий год в Артеке! – поправив Тихого, я посмотрел на него с уважением. Уж больно осведомленный он был в наших северных реалиях. Или лично все видел, или разведка хорошо работает. – Кстати, раз уж вы почти оттуда: что там с Артеком?

– Да ничего, собственно, стоит себе! – ответил Белоусов, нарежая сало. – Его, ясное дело, не бомбил никто. Там сейчас, если мне память не изменят, детский лагерь. А что у вас за культ такой, с этим местом связанный?

– Да какой культ! – усмехнулся я. – Просто детская мечта. Дед Афган рассказывал, что есть просто пионерские лагеря, а есть самый главный лагерь – Артек. И стоит он на берегу теплого моря. И все здания в нем белые-белые. И дорожки песочком посыпанные. Вот мы, малышня, и придумали – обязательно туда попасть. А потом детишки-пионеры выросли... Кто выжил, естественно.

Водка уже растеклась по телу горячей волной, и я откровенно «поплыл». Заметив мое состояние, Тихий деликатно сунул мне в руку бутерброд с салом.

– И давно ты из пионеров вышел? – спросил Белоусов.

– Да уж лет пятнадцать, наверное! – прикинув в уме и мысленно ужаснувшись столь долгому сроку (столько не живут!), ответил я. – Сразу после смерти Деда Афгана наши тимуровцы словно с цепи сорвались – начали чистки среди комсостава устраивать...

– Большая чистка двадцать седьмого года? – уточнил полковник.

– Она самая, – скривился я, как от зубной боли.

– А тимуровцы – это кто? – удивленно глянул на меня Белоусов.

– Это у нас так служба безопасности называлась, – пояснил я. – Пока мы малышами были, нас детской литературой потчевали, в том числе и сказками Аркадия Гайдара. Вот была там и повесть про Тимура с его командой, который с внутренними врагами боролся. Я уж подробностей этой книжки

не помню, но решили и у нас такую команду создать. Создали... Похоже, что вскоре их девизом стало: бей своих, чтоб чужие боялись! А я всегда был неблагонадежным – три года в шведском гуманитарном лагере провел как-никак. Но пока был жив Дед Афган, мне этот факт не мешал – я аж до звеньевого дослужился «минус» четвертого отряда!

– Минус четвертого? – удивленно приподнял брови Белоусов.

– Да, до Тьмы ведь нумерация начиналась от шестого отряда и самым старшим считался первый, но у нас многие пионеры его переросли. Вот и придумали систему «минусов» – нумерация как бы в обратную сторону, но с другим знаком – чем старше по возрасту, тем больше номер. Даже термины такие в ходу были: «плюсовики» и «минусовики». Вроде младших и старших.

– Ага, понял, – кивнул генерал. – Так, а что там у тебя с тимуровцами произошло?

– Ну... что произошло... Без Деда такое началось... Чистка рядов, как они выражались. Начали вокруг меня петли нарезать – друзей на допросы таскать да подчиненных моих. В общем, собрал я три десятка таких же, неблагонадежных... Взяли мы по автомату да по цинку с патронами и ушли на запад. Свою войну там начали. Аккурат в тот год эстонцы от финнов вооружение и боеприпасы в большом количестве получили... Ну и поперли на восток за рабами. А тут мы...

– Давай-ка, Боря, примем еще по сто грамм! – увидев, что

я расчувствовался, вспоминая былое, генерал поставил передо мной стакан с водкой.

– За удачу! Чтобы она никогда нас не оставляла! – провозгласил Тихий.

Вторая «соточка» прошла в организм гораздо мягче. Словно обжигающе-ледяной ручей, водка проскочила по пищеводу и привольно разлилась в желудке. Мне стало почти хорошо.

– Ты это... давай закусывай, сынок! – Тихий заботливо подложил на мою тарелку картошку. – Ведь пару дней не ел?

– Угу! – кивнул я с набитым ртом. – Что-то не рассчитали мы с Валерой. Надеялись, что быстрее дойдем. Но товарищ мой уже плохой был совсем – быстро идти не мог, да и я тоже ходок еще тот.

– Я вообще удивлен, как ты с больной спиной сюда дошел. Да еще и двух бойцов на наших глазах скрутил! – улыбнувшись, заметил полковник, а сам буквально впился в меня глазами, ожидая ответа на вроде бы невинное замечание.

– Укол морфина в позвоночник, – криво усмехнулся я. – На два-три дня хватает. Валера колол. У него была тяжелая рука, но теперь и такой нет...

– Позволь взглянуть! – напрямую сказал Тихий.

Я развернулся к собеседникам спиной и задрал рубаху, чтобы офицеры убедились в правоте моих слов – следы инъекций не скрыть.

– Ничего страшного – у нас в лагере есть фельдшер, –

успокоил Белоусов, сочувственно глядя на меня. Да и морфия в санроте хватает.

– Спасибо, – кивнул я, заправляясь. – А то собственного запаса осталось на неделю. Впрочем, продуктовые припасы мы проели еще раньше. Даже вода кончилась. А по пути ни ручейка, ни колодца. Как в пустыне, блин!

– Да тут вода до сих пор фонит! – сказал Тихий. – Фильтровать замучаешься! Надо из глубины воду качать – там более-менее чистая. Это ведь Московская область – сюда основной удар пришелся.

– Кстати, а ведь Дед Афган тоже из Московской области! – неожиданно вспомнил я. – Он рассказывал, что после отставки в какой-то «Железке» жил.

– Это так город Железнодорожный называли! – усмехнулся Тихий. – А как Дед Афган умер?

– Да он ведь уже старый был – под семьдесят! Вроде бы сердце не выдержало. Хотя ходили слухи, что помог кто-то... Из молодых, которые к власти тянулись... Суки...

– Ладно, мужики, третий тост. Помянем Деда Афгана и всех наших друзей, что не дошли с нами сюда! – мы встали и, не чокаясь, выпили.

Потом посидели молча пять минут, подумали каждый о своих... недоживших...

– Так вы мне все-таки скажите – зачем сюда целую бригаду из Югороссии занесло? – «вспомнил» я. – А то как-то... неправильно сидим!

Белоусов и Тихий снова переглянулись. На этот раз кивнул Белоусов.

– Расскажем! Я ведь еще на том пустыре, где тебя встретили, сказал, что нам бойцы нужны! – сказал Тихий. – Только учти, сынок, после получения данной информации ты будешь не вправе покинуть нас! У нас тут не партизанская вольница, к которой ты привык! Считай, что мы тебя на службу принимаем и в случае чего покараем за дезертирство! Информация слишком важна, и мы не можем рисковать! Ну, как? Готов пойти на такую ответственность?

– Так вы ведь в любом случае меня отсюда живым не выпустите? – пьяно усмехнулся я. – Так что... Одной головной болью больше, одной меньше...

– Ну так слушай... – Генерал разлил остаток из второй бутылки по стаканам. – Основная наша задача, кроме ведения общей разведки местности, состоит в том, чтобы найти расположение кадрированного танкового полка. По нашим весьма достоверным данным, есть тут такой, с танками Т-62 в подземных хранилищах. На глубокой консервации.

– Ого! – восхитился я. – А полк – это... это сколько танков?

– По Штату № 010/520 от 1986 года должно быть девяносто четыре штуки. Но на складе их может быть около сотни – сверхштатное количество, – пояснил Белоусов. – В общем, именно из-за этих танков в состав моей бригады включили техников и механиков-водителей. Найдем, расконсервируем

и угоним на юг столько, сколько сможем. Но это все, по большому счету, туфта для отвода глаз.

– Поиски танкового полка скрывают что-то более интересное?

– Именно! – кивнул Белоусов. – На самом деле мы хотим найти резервный пункт управления и контроля орбитальной спутниковой группировки. Основной-то пункт супостаты раздолбали – кто рядом был и выжил, рассказывали, что вроде бы проникающей антибункерной боеголовкой. А вот про резервный пункт враги не знали. Впрочем, наши все равно не успели перехватить управление.

– А на хрена вам этот пункт... или пульт? – удивился я. – А разве спутники не того?..

– Да, за тридцать лет большая часть спутников выработала ресурс и сошла с орбиты. Но несколько штук еще дышат – по крайней мере у нас периодически начинают работать навигаторы системы ГЛОНАСС. И если мы доберемся до управления, то сможем так перестроить орбиты, что навигаторы будут работать постоянно. А это, учитывая облегчение топопривязки артиллерии, большой плюс! К тому же могли уцелеть и спутники-шпионы, да и связные тоже бы помогли.

– Ага! – кивнул я. – Дело хорошее! Но подозреваю, что и это служит прикрытием чего-то большего!

– Умный, черт! – с улыбкой сказал генерал, и мои собеседники опять переглянулись. Ну, прямо-таки игра в переглядки. – Но знать тебе об этом пока не стоит. Меньше зна-

ешь – крепче спишь! А вот поспать тебе надо! Так что мы тебя сейчас на постой определим. А утро вечера, как известно, мудренее!

Это точно – придавить минут шестьсот мне не помешает. Я уже больше суток на ногах. Да и с водки развезло. Я встал из-за стола и, несмотря на сильную «качку», первым делом прихватил свои стволы. Глядя на это, Тихий одобрительно кивнул.

– Опанасенко! – крикнул Белоусов в пространство.

Вошел давешний боец с налившейся на лбу здоровенной шишкой.

– Проводи товарища в свою палатку и поставь на довольствие! – распорядился генерал. – В том числе вещевое – бушлатик-то у него, сам видишь, тю-тю...

Я пожал руки собеседникам и вышел на свежий воздух. Охраняющие штабную палатку бойцы посмотрели на меня с видимым уважением. А «боец номер два» Карпов даже кивнул, как старому знакомому.

– Нам туда! – взмахом руки указал направление Опанасенко и вполне дружелюбно предложил: – Давай помогу вещички нести!

Я, после секундного сомнения, отдал ему рюкзаки и второй автомат. Идти сразу стало легче, хотя земля ощутимо качалась под ногами. Заметив, что меня «штормит», Опанасенко даже взял меня за локоть и аккуратно придерживал на поворотах. Впрочем, идти оказалось недалеко – палат-

ка охранников располагалась всего в пятидесяти метрах от штабной. По конструкции они были аналогичны – тот же армейский стандарт. Никакой мебели внутри не было – только вдоль стен аккуратно, через равные промежутки, стояли рюкзаки и лежали свернутые пенополиуретановые коврики и спальные мешки.

– Вот здесь свободно, – Опанасенко показал на незанятый угол слева от входа. – Присядь пока, а я «пенку» и спальник принесу.

Я плюхнулся прямо на пол, приготовившись ждать, но боец вернулся очень быстро. И минуты не прошло. Сноровисто расстелив мне «постель», Опанасенко с сомнением посмотрел на мою старую, грязную, местами прожженную комку и кирзачи-гавнодавы.

– Вши есть? – участливо спросил он. Я отрицательно мотнул головой. – Хорошо, хотя вошебойка у нас имеется. Но все равно – скидывай-ка ты свою рванину и сапоги до кучи. Сменку я тебе сейчас принесу. А как проспидишься – в баню сходишь.

Боец вышел, а я начал неловко раздеваться, в первую очередь вынув из тайника чип-ключ и засунув его под спальник. На этот раз отсутствовал Опанасенко минут десять, но зато порадовал, принеся чистую униформу натовского образца, пару комплектов белья, портянки, новенькие берцы (всего на размер больше) и шведский анорак.

– Откуда такое богатство? – удивился я, облачаясь в об-

новки. – Неужели вас враги снабжают?

– Нет, конечно! – рассмеялся Опанасенко. – Это маскировка! Мы здесь изображаем частную армию преступного авторитета с Урала. Так проще с местными бандюганами договориться. Потому и обмундированы в трофейную одежду.

– Да вас как ни обмундировывай, – один хрен – вояк за версту видно! – хмыкнул я.

– Ну и что? Так даже лучше – раз у нашего «Бугра» вояки на подхвате – честь ему, хвала и уважуха! – улыбнулся Опанасенко. – Ну, переоделся? Давай я твое шмотье заберу.

Боец хозяйственно прибрал мои старые вещички и уже на выходе, обернувшись, спросил:

– А ты тому приемчику, которым меня завалил, обучишь?

– Конечно! – кивнул я, душераздирающе зевая. – Как только просплюсь...

Опанасенко радостно кивнул и, пожелав мне спокойного сна, удалился. Уснул я почти мгновенно, едва щека коснулась подложенного под голову рюкзака. А во сне пригрезилась мне родная Пионерская республика.

Интерлюдия

Ирка из минус третьего отряда, развратно поводя своими зелеными глазами, медленно подходит ко мне, крепко обнимает за шею, притягивает к себе и тянется целоваться, успевая при этом шептать: «Милый мой... Хороший мой...

Единственный мой...» Я с замиранием сердца прижимаю ее к себе и...

Тра-та-та – та-та! Трам-там-там-там-там-там...

Гром фанфар из репродуктора и радостный голос диктора «Здравствуйте, ребята! Слушайте «Пионерскую зорьку»!». Блин! Какой сон обломали! Однако что же делать – пора вставать.

Я скидываюсь с койки и тут же начинаю утреннюю гимнастику под аккомпанемент бодрого наигрыша на баяне и не менее бодрого голоса: «Встаньте прямо, ноги на ширине плеч...»

Сегодня – воскресенье, но в нашей дружине объявлен суббота. Сам Дед Афган вместе с Лениным участвовал в первых субботах, в том числе и в том, знаменитом, когда они вместе, надрываясь, таскали бревна. Так что мне сегодня как звеньевому нужно, если и не первым, то в числе первых попасть на Площадь Павших Борцов – туда, где будет торжественный сбор перед началом работы. А потому после «... переходите к водным процедурам» я пулей влетаю в душ и быстренько обливаюсь холодной... просто-таки ледяной водичкой, не дожидаясь, пока колонка прогреет воду. Быстро растереться махровым полотенцем. А что? Законный мой трофей! Я его совершенно честно получил в свою самую первую кампанию...

Был я тогда в нулевом отряде, только-только пятнадцать

сравнялось. Тогда Совет Дружин принял постановление об объявлении Зарницы, то есть большого похода на Скандинавию. И сам Дед Афган это постановление утвердил. Потому что достали!

Шведы и финны на нашу территорию почти сразу после Большой Тьмы вторгаться начали. И чего им дома не сиделось? Говорят, что во время Великого Конца их почти не задело. Так, ерунда – сровняли с землей Стокгольм и Хельсинки.

Ну, так вот и полезли к нам скандинавы с «гуманитарной помощью». Мол, ах да ох, как же это – детишки одни да без присмотра. А чего это «без присмотра»? Вожатых еще много было. Настоящих, тогдашних. Ну, и Дед Афган в придачу...

В общем, развернули они эту гуманитарную помощь, а потом... Потом оказалось, что мы им за эту помощь свои недра должны лет на триста вперед, да еще бесплатно на них пахать. А они нас к себе в «малые народности» запишут. А мы уже тогда с одной такой «малой народностью» схлестнуться успели. Как раз в семнадцатом с оленеводами отношения выясняли. Ну и послал их Дед Афган по известному адресу. После этого и началось: что ни лето – приходят скандинавы и наших, кого захватить успеют, с собой увозят. Мы это долго терпели: у нас тогда в основном мелкота была. Но как подросли тогдашние октябрята, что хоть во второй отряд записаться могли, тогда-то мы и решили ответный ход сделать.

Вот когда Петрозаводск в первый раз отбили, я там это

полотенце себе и добыл. Трофей. Там, правда, еще много чего взяли. Но все остальное я, как и положено пионеру, сдал. Я бы и полотенце сдал, но наш вожатый сказал: «Оставь, Боря, себе на память». Вот и оставил...

Под эти приятные мысли я успел сжевать приготовленный еще с вечера бутерброд с яйцом и картофельным пюре, а второй прихватить с собой. По дороге дожую. Все, теперь бегом, бегом, бегом! Утром в воскресенье рейсовые машины ходят плохо, так что надо успеть...

К остановке «Минус шестой отряд им. Аркаши Каманина» я и автобус «Урал» подлетели одновременно. Вернее, подлетел один я: автобус-то, притормаживая, почти подполз. В кунге-салоне – битком. Еще бы: кому охота за опоздание на субботник с тимуровцами объясняться? Приволокут на Совет отряда, а там и десять суток без личного времени схлопотать недолго. Да ладно бы только это! Меня, к примеру, со звеньевых как миленького попрут. И никакие прошлые заслуги не помогут. И вообще-то – правильно! Нечего опаздывать! Не зря ведь у нас записано: «Пионер – всем ребятам пример!»

«Урал» с рычанием отъезжает от остановки. Я озираюсь. В неверном свете северного утра все лица кажутся одинаковыми. Хотя...

Не успеваю я додумать, как меня с силой хлопают по плечу:

– Боря! Салют!

Передо мной стоит Вовка Байкулов из отряда имени Алексея Ивакина. Поисковик, который ошибается один раз. В последнее время бредуны наострились ставить всякие хитрые ловушки, и Вовка со своими ребятами только и делает, что всякие подлые штуки обезвреживает. А без поисковиков нельзя: надо и оборудование вытаскивать, и оружие, и вообще: мало ли чего в старых развалинах «горячих» зон отыскать можно.

Вовку я крепко уважал после того случая, когда мой отряд имени пионера-героя Аркадия Каманина был назначен в охрану поисковых партий «ивакинцев». Поиск прошел великолепно: во-первых, за все время мы не видели ни одного бредуна, не то что орду, а даже и диких, да из зверюг напали только волкособаки, и то всего один раз. И стая была маленькая: штук сто, не больше, так что отбились легко. Во-вторых, поисковики отыскивали старый армейский склад медикаментов, на котором были и драгоценные антибиотики, и шприцы, и десяток тысяч ампул с сильными болеутоляющими. В результате все навьючились почище древних ишаков и ползли обратно с черепашьей скоростью, когда...

Грохнул слитный залп, и половина моего звена легла замертво. Бредуны! Большая орда! Как дозорные умудрились проморгать эту нечисть, неизвестно, да и не спросишь уже. Из лесу на нас перло тридцать-сорок человек, что особенно страшно – все с автоматическим оружием!

Мои бойцы, заполошно паля из всех стволов, пытались

сдержат бредунов, рассчитывая в лучшем случае подороже продать свои жизни, давая возможность юным следопытам Байкулова уйти с бесценным грузом.

Но Вовка, хотя и имел все основания уйти, оставив нас на съедение орде, не стал праздновать труса. Он приказал своим бросить вьюки и вступил в бой. Правда, его двадцать стволов особо на конечный итог боя повлиять не могли. Но на наше счастье, вовремя подоспел мобильный патруль юнармейцев с автоматическим гранатометом и двумя крупняками. И совместными усилиями нам удалось отбросить бредунов. Эту орду потом целую неделю три дружины по лесу гоняли, пока не перебили всех до последнего. В плен из них не сдался никто.

После этого раза было еще много чего, и с Вовкой мы не то чтобы подружились, но заприятельствовали крепко. А так как он тоже звеньевой, то и на советах дружины мы с ним встречались, и на слетах, и на кострах. Много с ним было всего съедено, выпито, да еще всякого такого сделано, за что на совете дружины, конечно, разбирать не будут, но и по головке не поглядят, всплыви все наружу.

– Салют, Вовка!

– На субботник?

– Не, блин, гуляю. Привычка у меня такая: в полшестого утра гулять ходить.

– Ну, я так сразу и понял, – Вовка хмыкнул, а потом уже потише поинтересовался: – Борь, ты натворил, что ль, чего?

– С чего это ты взял? Не-е, за мной вроде больших грехов не водится... – Я изумленно уставился на Байкулова, но тот показал глазами на дверь: выйдем, мол, там и договорим.

На остановке «Площадь павших героев» мы выплеснулись из «Урала», и Вовка тут же оттащил меня в сторону. Под грохот динамиков, из которых несло задорное «Взвейтесь кострами», он проговорил мне в самое ухо:

– Тут днями меня в штаб тимуровцев вызывали. Так вот: тобой интересовались. Мол, как я к тебе отношусь, да как тебя оцениваю, да как что чего? По каким поискам тебя знаю, что о тебе другие мои ребята говорят? Боря, ты давай, колись: чего натворил? Если что – прикрою, как смогу. В крайнем случае, буду о переводе в наш отряд ходатайствовать...

Во как! Да ведь не было за мной ничего такого... Нет, ну конечно, по мелочи было всякое, но уж чтоб тимуровцы интересовались – нет за мною таких грехов! Хоть режьте – нет!

Вовка истолковывает мое молчание по-своему. Он шепчет мне в ухо:

– Да ты не бойся, чудик! Ну что мы – не свои ребята, что ли? Ну чего ты там натворить мог? В измену не поверю, а так... Ну что, поддал в честь торжественного сбора и вместо минус четвертого в четвертый отряд к девчонкам полез? По морде кому заехал, в процессе боевой и политической? Сэкономил свои полевые сто грамм и сменял две бутылки на продукцию потенциального противника?

От последнего вопроса мне становится жарко. Действи-

тельно, один мутный паренек из минус второго предлагал мне выменять у него «веселые» карты с... ну, в общем, с женщинами. На некоторых что-то было надето, но большинство... Я, правда, отказался, но ведь не сообщил... Да и, если честно, отказался-то только потому, что не было у меня двух бутылок. Еще мечтал, что покажу эти карты Ирке из минус третьего: там же такое... э-э-э-э... белье! Обалдеть!

Вовка, должно быть, заметил мое состояние и собирался задать новый вопрос, но вдруг... С ума сойти! Только что был человек, стоял перед тобой и – р-раз! – пропал, словно никогда и не было. А передо мной возникают двое тимуровцев. Здоровые такие быки. Одного из них я знаю: Колька Майков из минус шестого. Он к нам в отряд нового звеньевоего тимуровского звена в прошлом году приводил...

– Волков Борис? – хмуро интересуется Майков, одновременно отдавая мне салют. И не дожидаясь моего ответа: – Пройдем-ка, товарищ звеньевой, с нами!

Ну и пошли мы...

– Проходите, товарищ звеньевой. Присаживайтесь. Позавтракать успели? – И, не дожидаясь моего ответа, тимуровский старший звеньевой, сидящий напротив меня, нажимает кнопку селектора: – Чаю нам, и чего там еще...

Почти сразу же – я только-только успел в кресло примоститься – в кабинет вошла здоровенная такая, под стать хозяину кабинета, тимуровка в красной косынке на голове. В руках поднос с двумя стаканами брусничного чая и две та-

релки. На одной – горка бутербродов, да не с яйцами или картошкой-моркошкой и даже не с мясом или бужениной, а с настоящей чайной колбасой. На второй... Ой, мамочка! На второй тарелке лежит настоящее печенье. «Калорийное». Да его ж и колбасу только к праздникам! Ну, еще печенье – в паек, если в рейд, поиск, или на Зарнице. А колбаса – вообще только в изоляторах! Верно говорят: «У тимуровцев каждый день – рейд!» Работа такая...

– Угощайтесь, товарищ звеньевой. Пейте чай. Вам одну ложку меда или две?

Хозяйин кабинета сама любезность, только мне от этого становится уж и вовсе не по себе: просто так тимуровцы никого обхаживать не будут. Зачем это я им понадобился?..

– Ты, братишка, не стесняйся. Ешь бутерброды, печенье... Чего на них глядеть?

Ну, ладно. Как бы там ни было, а колбаска – это хорошо! Я беру ближайший ко мне бутерброд и отправляю его одним махом в рот. Красота!

– И печенье бери, Алексей, не стесняйся. И не думай ничего такого: это я со своих пайков наэкономил. Вот ты, оказывается, какой...

– Какой? – Бутерброд застревает у меня в горле. – Какой?

– Да не волнуйся ты так, звеньевой! – тимуровец посмеивается. – Не двадцать седьмой год на дворе... Кстати. Я ж так и не представился. Белопахов Василий. А пригласил тебя к себе... Тебе ж, конечно, не терпится узнать: зачем это ты

нам понадобился, так?

А то! Интересно: мне отвечать или нет?..

– Так вот, пригласил я тебя, чтоб познакомиться поближе. Ведь как-никак в нашей дружине не так много тех, кто четыре зарницы прошагал...

Это он верно подметил. Таких, как я, по пальцам пересчитать можно. Особенно вторая зарница нам большой кровью далась. А я еще в Псков ездил, когда они десант скандинавский пять лет тому назад отбивали. Оттуда наших всего два грузовика и вернулось. В смысле – живых... Гробов мы тогда пять «Камазов» и девять «Уралов» привезли. Это не считая тех, что без вести...

– Вот ты в поиски ходил, – Белопахов прихлебывает чай и жмурится от удовольствия. – А с каким, к примеру, отрядом следопытов лучше всего работается? Как считаешь?

– Ну... вообще-то с любым, но я вот – с «ивакинцами» больше работать люблю.

– Да? А чем же они, например, от «горяиновцев» отличаются?

Отряд юных следопытов имени Романа Горяинова... Да я с ними всего два раза и встречался...

– Я, если начистоту, товарищ Белопахов («Василий, Василий», – поправляет меня тимуровец, улыбаясь), «горяиновцев» мало знаю. Один раз с ними в поиск ходил, когда в Мирный пытались прорваться. Так тогда ведь много следопытов пошло. Наверное, со всех дружин собрали.

Я рассказываю ему эпопею мирненского прорыва. Тогда, три года назад, у кого-то в Совете Дружин родилась идея по-пробовать прорваться в город и на космодром с воды. И по-пробовали. И положили в этом прорыве почти триста пионеров. И еще семеро комсомольцев-вожатых сгинули без следа. А вот о результатах – положительных результатах – я, признаться, не слышал...

Белопахов слушает внимательно, почти не перебивая. Лишь иногда задает наводящие вопросы или уточняет подробности. А как только я заканчиваю, тяжело вздыхает:

– Да уж, Боря, досталось вам... Но ведь пионер – всем ребятам пример, так?

– Так, – соглашаюсь я и от себя добавляю: – Пионер равняется на героев борьбы и труда!

Тимуровец улыбается, а затем начинает расспрашивать о поисках с ребятами Байкулова. Мне становится как-то не по себе. Нет, с одной стороны, приятно рассказать о себе, о своих делах, победах и подвигах, но с другой... Он что же это – под Вовку копает? Да нет, ведь сказал же, сам сказал, что не двадцать седьмой год на дворе. Тогда, как гласит официальная версия: «...пробравшиеся в ряды тимуровцев враги по заданию скандинавских империалистов приступили к подготовке заговора против Совета Дружин. Опираясь на немногочисленных предателей и скандинавских наймитов, враги планировали свержение Правительства Пионерской республики, захват власти и полную капитуляцию перед импери-

алистическими захватчиками. Для достижения своего преступного замысла предатели возбудили множество незаконных дел против честных пионеров. Однако заговор провалился. Под руководством Председателя Тимуровского комитета враги были уничтожены...» Но это можно октябрятам на политинформациях говорить... А мы-то знаем, что тогда у многих головы полетели. Кого предатели уничтожили, а кому и во время ликвидации заговора не по делу досталось...

– Товарищ старший тимуровец, я все в отчетах написал...

Он на мгновение становится серьезным и сосредоточенным, но потом снова улыбается:

– Пионер – честный и верный товарищ, всегда смело стоящий за правду, – теперь уже он цитирует «Законы». – Решил, что друга твоего проверяем? А если?

– Я все изложил в отчетах, больше добавить нечего...

– Да успокойся, Боря, расслабься. Все в порядке с твоим Байкуловым. А вот поподробнее рассказать тебе все-таки придется. Кстати, может, лучше напишешь? Вдумчиво, не торопясь, со всеми подробностями. Причем постарайся не упускать даже мелочи. Пусть они тебе покажутся неважными, а все-таки...

Он придвигает ко мне чернильницу, ручку и стопку бумаги:

– Последний поиск распиши во всех деталях. Когда закончишь – позови, – и с этими словами он выходит из кабинета, оставляя меня один на один с моими мыслями и подозрени-

ями.

Интересно, кого они все-таки «крутят»? Меня? Да ведь не за что! Вовку? Да вроде тоже не за что... Хотя, конечно...

Слушай, Боря, а если кто из Володькиной команды накосячил, а?! Точно! Вот и ответ на все мои терзания! Вовка – добрая душа, думал, что это меня, а у самого... Под самым носом! И, судя по тому, как меня обхаживают, крепко кто-то накосячил! Как бы еще не измена Родине...

Часа через два, отдав Белопахову полный (абсолютно полный!) отчет о последнем поиске и получив приглашение заходить по-дружески – так, посидеть, поболтать, попить чайку, – я покинул здание тимуровской команды и пошел себе куда глаза глядят. Спешить мне было некуда: субботник давным-давно кончился, на сбор идти не хотелось, до вечерней дискотеки еще добрых четыре часа. Пойти, что ль, Вовку найти?..

Но до вечера, до танцев я так и не нашел Вовку. А потом были танцы, была Ирка и вообще... Короче, мне стало не до Вовки и не до отряда имени Ивакина. Так что встретились мы только на второй день, опять случайно.

Я торопился на работы. На эту неделю мое звено было назначено на «химию». Не за провинности, как обычно попадают на химпроизводство пионеры, а так – по разнарядке. И это успокаивало: по разнарядке на химию больше чем на десять дней не пошлют, при условии выполнения плана, разумеется. Поэтому мы звеном решили: постараться работать

ударно, по-стахановски, и план не просто выполнить, а и перевыполнить! Тут ведь как: во-первых, если выполним объем работ поскорее – больше свободного времени дадут, а во-вторых, если докажем свою полезность – дальше будут назначать на хорошие, интересные работы. Например, на лов рыбы. Или на мясозаготовки. Что-то я давно на лосей не охотился...

У нас, рядом с городком Лесной, что в ста километрах от старого города – Вологды, здоровенное болото. Собственно, раньше это был не город, а пионерский лагерь, да и болота никакого не было, но после Большой Тьмы многое изменилось. Так вот, в нашем болоте лоси расплодились невероятно. На них-то мы и охотимся. Мясо у них – не очень, больно жесткое, но они ж, гады, на поля выходят! А в последнее время и на людей стали нападать. Особенно – весной. Наше звено всегда было первым... ну, нет, не первым, конечно, но уж вторым по охоте – точно! На лося норматив – три патрона, а мы – редко, если и два потратим. Так что даже немножко обидно, что первоклассных охотников, никак не хуже Соколиного Глаза, послали на химию.

По пути нас догнал отряд имени Ивакина.

– Салют, Вовка! – радостно поприветствовал я Байкулова.

– Салют, Боря! Тоже на целлюлозу?

– Ага. На неделю. А вас за что?

– А ни за что.

– Все говорят: «Ни за что», – я подпускаю в голос инто-

наций из фильма про милицию, – а все-таки?

– Слушай, Боря, кончай из себя Жеглова разыгрывать. – Похоже, Вовка обиделся. – Сказано же: по разнарядке.

По разнарядке? Забавно... Что это за разнарядка такая, если на целлюлозу погнали юнармейцев и следопытов? Очень странно...

Но перед началом смены все выясняется. На коротком митинге парень из Дома пионеров объясняет нам, что наконец удалось запустить патронный завод на полную мощность. Ну, тогда все ясно! Республике нужна целлюлоза, чтобы делать из нее порох. Навались, ребята!..

В пересменке рядом со мной оказывается Вовка. Я собираюсь сказать ему о своих догадках по поводу его ребят, но он опережает меня:

– Слушай, Боря. Меня к тимуровцам вызывали. Так по всему выходит, что это не ты, а кто-то из твоих хлопцев напортачил. Ты проследи...

Во как! Интересно, интересно...

Я решил обсудить все с Вовкой подробно, но вечером не вышло – свехурочные, а на следующий день меня вызвали на торжественный сбор. Принимаем октябрят в пионеры...

Малыши, серьезные, насупленные, в новенькой, отглаженной форме, стоят идеально ровной шеренгой. Вперед выходит наш председатель совета дружины, Серега Заборников:

– Дружина... К выносу знамени... Смирно! Равнение на

знамя!

Под звуки горнов и грохот барабанов шестеро юнармейцев выносят знамя дружины имени Александра Матросова. Все присутствующие дружно отдают салют, даже наш старший вожатый, Алексей Владимирович. Он отдает салют левой рукой – правой у него нет. Оторвало осколком снаряда. В том бою Алексей в одиночку уничтожил две скандинавские «стервы». Горят они фигово, да и забронированы – ого! Хорошо, что теперь их почти не осталось.

– К принятию торжественной клятвы... Смирно! Равнение на середину!

В наступившей тишине звенят ребячьи голоса, произносящие чеканные слова: «Я, гражданин Пионерской республики, вступая в ряды Всемирной Пионерской Организации, перед лицом своих товарищей торжественно клянусь: горячо любить свою Родину; трудиться и сражаться, как завещал великий Дед Афган. Я клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным, всегда беспрекословно выполнять законы Пионерской Республики, приказы командиров и начальников, хранить доверенную мне государственную и военную тайну. Я клянусь всемерно беречь пионерское имущество и до последнего дыхания быть преданным Пионерской Организации, своей Родине и ее правительству – Совету Дружин.

Я всегда готов по приказу Совета Дружин выступить на защиту моей Родины – Пионерской республики, и как пио-

нер я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Если же я нарушу эту мою торжественную клятву, то пусть меня постигнет суровая кара пионерского закона, гнев моих товарищей и всеобщая ненависть и презрение пионеров всего мира».

Малыши читают текст клятвы, а я смаргиваю невольную слезу. Смена! Какая смена! Вон тот, например: сам по росту чуть выше «калаша», а на груди уже не обычная пластмассовая звездочка, а старая, металлическая, наградная. Что же ты успел сделать, паренек, что тебя наградили? А ведь у нас награды зря не дают...

Последний малыш дочитал клятву и встал в строй. Кто-то протягивает мне новенький, крашеный ягодным соком галстук. Вся шеренга старших дружно шагает вперед и повязывает новым пионерам галстуки. Передо мной девчушка с пожелтевшими бантиками на соломенных волосах. Бантики старинные, наверное, от мамы остались, но в такой торжественный день...

– Поздравляю.

– Спасибо, – лепечет малышка и тут же начинает расправлять галстук, чтобы он лег покрасивее. Женщины!..

Мы отступаем назад. Два новых звена – целых семьдесят пионеров стоят в строю. Сейчас будет самый первый в их жизни салют...

Алексей Владимирович выходит вперед. Гордо выпрямляется, оглядывает малышей:

– Юные пионеры! К борьбе за правое дело Пионерской Республики и Деда Афгана будьте готовы! – и взметывает левую руку.

– Всегда готовы! – отвечает дружный звенящий хор.

Молодцы! Наша смена! Мы еще повоюем!

– Товарищ звеньевой? Вам, – девчушка-пятиотрядница протягивает мне бумажный прямоугольник. Письмо? От кого? И почему на сборе?

«Звеньевому минус шестого отряда им. Аркаши Каманина, Волкову Борису. По получению предписания вам надлежит немедленно прибыть в г. Галич, в Главное Управление Тимуровского комитета. Форма одежды – парадная...» О, как! Это кто же у меня мог ТАК накосячить, что в столицу вызывают?..

Вечерний Галич – красивое место! Галичское озеро, которое и раньше было немаленьким, а теперь просто выглядит как настоящее море, могучая, полноводная Кешма, протекающая через весь город. Все это кажется таким мирным, таким уютным...

Я отсалютовал малькам не старше четвертого отряда, которые возились с укреплением берега реки, и пошагал себе дальше, поглощенный тревожными мыслями. Зачем? Ну зачем меня вызывают в Тимуровский комитет?

...Ого! Я так задумался, что не заметил, как до самой пло-

щади Вождей Пионерии дошагал! Вот он – памятник на высоком основании. Дед Афган, каким он в молодости был. Стоит и на пулемет опирается. Хорошо, что я вовремя очухался, а то вот не отдал бы памятнику салют – пришлось бы потом с тимуровцами объясняться!

Перед памятником – целая толпа малявок. Отряд пятый, а то и шестой. Да и не один, если верить количеству флагов. А у самого цоколя – старик, причем если по внешнему виду судить, так ему не то что за пятьдесят – за шестьдесят! Да еще и с гаком. Как бы не легендарный соратник самого Деда Афгана. Из первых вожатых...

Рассказывает он что-то ребятишкам, а те притихли: не возятся, не шепчутся, не толкаются. Оттого и голос у старика хоть и хриплый, надтреснутый, а слышно – на самой дальней стороне площади любое слово разберешь...

– ...Вот, ребята, и наш Дед Афган тоже пошел воевать с фашистами. Сталин не хотел его отпускать – слыханное ли дело, чтобы соратник самого Владимира Ильича шел на фронт простым солдатом? Но Дед Афган ответил Иосифу Виссарионовичу так: «Ты же не прячешь своих сыновей в тылу. Почему же я должен отсиживаться, когда многие из моих ребят-пионеров уже бьют фашистских гадов?»

Много славных подвигов совершил Дед Афган. Но в конце концов вызвали фашисты специальную команду, выследила она отряд Деда Афгана, окружила. Оставалось пионерам только одно – с боем прорываться. Пошли в атаку пио-

неры, и в первых рядах шел Дед Афган с верными соратниками...

Здорово рассказывает старик! Так и представляется: Дед Афган в заломленном берете, а вокруг – молодые парни и девчонки в красных галстуках, с «калашами» в руках. И ведь так все и было – видел я картину в музее. Говорят, ее еще до Тьмы рисовали... А старик между тем продолжает:

– И не выдержали враги яростного напора пионеров. Сотнями валились наземь, сраженные меткими выстрелами. Но в последний момент, когда близка уже была победа, увидел Дед Афган, как один из уцелевших врагов прицелился в юную пионерку. Вскинул Дед Афган оружие, да выстрелить не смог – патроны кончились. Бросился тогда Дед Афган вперед и заслонил девочку собой. И ударила подлая пуля Деда Афгана прямо в грудь...

На площади шевеление. Это смахивают слезы. Кто-то из девчонок всхлипывает. А ветеран продолжает:

– Вынесли пионеры своего вождя из боя на руках. Думали уже, что не жилец он – злая вражеская пуля рядом с его горячим сердцем прошла. Но тут приподнялся Дед Афган с плащ-палатки, огляделся по сторонам и говорит: «Велика Россия, а отступить некуда, позади Москва!» Разозлились тут пионеры на подлых врагов и ударили со всей силы, и отбросили фашистов с нашей земли в самое их логово – страну Афганистан. И там, в высоких горах, пионеры штурмом взяли дворец главного фашиста – Рейхстаг. На его стене Дед

Афган нацарапал штыком: «Развалинами Рейхстага удовлетворен». Мы победили! За подвиги товарищ Сталин награждал Деда Афгана, нашего с вами первого Верховного Вожаго, полковника Остапенко Евгения Ивановича званием Героя Советского Союза!

Мелкие зашевелились, зашелестели. Сперва несмело, полупшепотом, а потом уже в полный голос толпа начала скандировать:

– Дед Афган... Дед Афган! ДЕД АФГАН!!!

Старик благодушно улыбался, дожидаясь, когда ребяташки устанут. Наконец мальки выдохлись, и крохотная девчушка-шестиотрядница со светлым хвостиком волос на затылке спросила:

– Товарищ старший вожатый, а что было дальше?

– А дальше, ребята, случилось страшное! Умер товарищ Сталин, а международные империалисты подкупили несколько человек в верхах великой страны победившего народа, и Деда Афгана вместо присвоения звания генерала отправили в отставку! И не его одного: многих самых лучших и самых честных командиров предатели оклеветали и выгнали из армии, а некоторых даже отдали под суд.

И воспользовались буржуины и их наймиты подлые тем, что повыгоняли из армии всех честных и смелых. И учинили переворот страшный, а возглавил его бывший бандит по кличке Меченый. Фамилию его история до нас не донесла, да оно и к лучшему: не хватало еще всякую уголовную шу-

шеру по фамилиям величать!

Меченый на машине своей по Москве-столице разъезжал да понравившихся маленьких девочек, которые из школы шли, ловил. («А зачем они ему?» – вопрос из толпы, и тут же шлепок и внятное: «Не перебивай!») Весь город его длинный черный автомобиль под номером «ЕБН 00» знал и боялся. Особняк себе из здания университета устроил и назвал его «Фонд помощи горбатым»! А еще пьяница он был: пришлось буржуинам все виноградники вырубить, все заводы спиртовые взорвать, чтобы только главаря своего хоть раз трезвым увидеть... Но самое страшное, что сотворил этот выродок: отобрал он у пионеров всего мира их столицу – Артек. И чтобы память о нем навсегда стереть, велел Меченый его переименовать. И стал Артек называться Форосом...

Старик обводит взглядом притихших мальков. Те стоят, застыв от ужаса, пытаясь вообразить себе весь масштаб постигшей Пионерии катастрофы. Старик откашливается и продолжает:

– И повылазили тогда изо всех щелей таившиеся враги – олигархи, журналюги, солженицины, попса... Застонала тогда Родина, и стал Дед Афган со своими верными товарищами собирать силы для борьбы за народное счастье. И подготовили они вторую Великую революцию, которая должна была вымести с лица нашей Родины всю буржуйскую нечисть. Готовились вооруженные отряды, собирались вместе бойцы, и уже снова, то тут, то там, вспыхивали тайные пионерские

костры, звали на борьбу горны, поднимали головы верные соратники... Все ждали сигнала...

Старик понурил голову. И тихо продолжил:

– Но нашелся среди революционеров предатель. Сообщил он буржуйам и империалистам, что все готово к революции, что идут уже по тайным тропам могучие отряды борцов, что в секретных местах встали уже засады, что по сигналу вся страна поднимется на борьбу. И испугались буржуи. И стали они просить помощи у врагов за океаном, чтобы уничтожили они наш вольный и свободный народ, чтобы снова не взвилось над землей знамя победы рабочих и крестьян. А в уплату обещали все наши леса, поля, заводы и недра. И за-океанские буржуи решили: смерть восставшим!

Хорошо, что тогда узнал об этом сам Дед Афган и велел срочно вывезти из крупных городов всех детей. А охранять их назначил своих самых верных соратников. Вот мы сюда и приехали, а родители ваши – революционеры – приняли смертный, неравный бой с черной вражеской силой. За-океанских империалистов уничтожили, но и сами полегли в неравной борьбе... – Старик замолкает и смотрит куда-то вдаль, за горизонт...

– А дальше, ребята, вам лучше, – он подслеповато прищуривается, – вон, товарищ звеньевой расскажет. Он помоложе, да и память у него получше...

С этими словами старик машет рукой в мою сторону, а сам, тяжело опираясь на палку, медленно идет к машине.

Двое тимуровцев заботливо поддерживают его под руки, а меня уже окружила толпа – да что «толпа»! – орда мальков:

– Товарищ звеньевой, а шведы – люди?.. Товарищ звеньевой, а на Зарнице страшно?.. Товарищ звеньевой, а вы диких бредунов живьем видали?.. Товарищ звеньевой, а золотая нашивка у вас за что?.. Товарищ старший звеньевой, а правда, что у финнов рога растут?..

И я отвечаю на весь этот водопад вопросов, который обрушивается на меня со скоростью пулеметной очереди. Шведы – люди, только плохие; на Зарнице страшно, но страх можно преодолеть, диких бредунов живьем видел, но недолго – не могут они пережить нашей встречи; золотая нашивка у меня за вторую Зарницу, где мы со звеном отбили атаку целой роты шюцкора, а то, что из всего звена выжил один я, мелким знать не обязательно; рога у финнов не растут.

Я отвечаю еще на добрую сотню вопросов, получаю приглашение на торжественный сбор, и, наконец, меня оставляют в покое, наедине с моими мыслями. А мысли все те же: зачем? Зачем меня вызвали в Главное Управление Тимуровского Комитета?

Впрочем, выяснилось это довольно быстро.

Хмурый тимуровец у входа в здание ГУТК тщательно проверил мои документы, на всякий случай уточнив:

– Волков Борис?

Кивком подтверждаю: да, мол, это я и есть.

– Проходите, вас ждут.

Лестница, ведущая на второй этаж, в конце которой уже трое тимуровцев – один другого здоровее. Увидев мои нашивки за двенадцать поисков, девять рейдов и аж за четыре Зарницы, они салютуют мне первыми. Но тут же тот, что посередине, протягивает руку:

– Оружие, товарищ звеньевой.

Снимаю с ремня кобуру и протягиваю тимуровцам. Лязгает дверь несгораемого шкафа...

– Проходите. По коридору направо.

Я зашагал по коридору мимо ТОГО САМОГО МЕСТА. Дверь в кабинет Деда Афгана, как обычно, охраняли двое пионеров-первоотрядников: мальчишка и девчонка. Юнармейцы. Оба – в синей с белым парадной форме, в красных пилотках. Девчонка еще и в белоснежных бантиках. У паренька на груди – обычный «калаш», у девчонки – «ксюха»...

Я поворачиваюсь четко, как на параде, и беру «под салют». Кабинет Деда Афгана – святыня святынь! А паренек-то мои нашивки разглядывает. Ну-ну. Посмотри, малек, поучись. А девчонка... Ой! Вот это да!..

Лицо пионерки обезображено длинным шрамом. Просто он – слева, вот я его сразу и не заметил. Это кто ж тебя так? Наверное, бредуны, потому как у девчонки – три нашивки за поисковые рейды в зоны высокой опасности. Одна к тому ж серебряная... Молодец, мелкая! Хорошо дралась!

А теперь вперед, туда, где Алексей Бугров, председатель

Тимуровского комитета, обустроил свой кабинет. У входа снова караул. Но теперь уже не тимуровцы, а юнармейцы. Правда, отряд минус шестой, не меньше...

Я салютую часовым, они отвечают. Один из них распаивает передо мной дверь.

– Разрешите?

– Проходи, товарищ Волков, проходи...

За большим письменным столом сидит... нет, не Бугров. Это Верховный пионервожатый республики, Иван Евграшин, а Бугров стоит рядом.

– Как добрался, товарищ Волков? – интересуется Евграшин. – Где устроился? Обедал?

Я отвечаю, что добрался хорошо, устроился у юнармейцев и вместе с ними пообедал в столовой, а в голове назойливо стучит: «Зачем вызвали? Зачем? ЗАЧЕМ?!»

– Ну, раз ты сыт и разместился, я думаю, что нет смысла тянуть. Верно, Алексей?

– Так точно, – подтверждает Бугров и, глядя мне прямо в глаза тяжелым, каким-то мертвым взглядом, не то приказывает, не то предлагает: – Ты сядь, Волков, сядь. В ногах правды нет.

Я усаживаюсь в удобное, обитое вытертым плюшем старинное кресло еще из старых, дотемных времен...

– Разговор у нас с тобой будет долгий, серьезный ну и, сам понимаешь, секретный...

Ого! Они что, задумали что-то? То-то я слышал, что ны-

нешний председатель Совета Дружин «не тянет»... Дела...

Евграшин откашливается, но говорить начинает Бугров:

– Вот что, Борис. Ты парень неглупый, грамотный, все о тебе хорошо отзываются... А вот скажи: ты когда-нибудь задумывался, что дальше?

– То есть как это? – Точно! Переворот затевают... Вот это влип...

– Подожди, Алеша, – в разговор вступает Евграшин, – дай-ка я проще поясню. Борис, как ты думаешь: через десять лет в нашей республике жить станет лучше?

– Ясно, лучше!

– А почему?

– Ну... Мы много строим, много делаем... Вот завод в Ухте на полную вывели... Даже птицефабрику собираемся... Детей много! А раз много детей – значит, будут рабочие руки, так? Значит, точно – жить станем лучше!

Закончив свои рассуждения, я гордо взглянул на них. Ну, разве я не прав? Но ни Евграшин, ни Бугров что-то не торопятся подтверждать мои выводы...

– Видишь ли, Борис, – Евграшин озабоченно чешет нос, – все было бы так, как ты говоришь, если бы не одно «но».

Что еще за «но»?..

– Скажи, ты в деревне бывал? – низким, без интонаций голосом интересуется Бугров.

– Ну, бывал...

– Поля, луга видел?

– Да видел я, товарищ председатель Тимуровского комитета. И поля, видел, и луга...

– Их больше стало? – и опять давит своим мертвым взглядом. – Вспоминай, звеньевой.

Да вроде нет. Там, где наш первый лагерь стоял, полей вроде даже меньше стало. Ну, точно. Я помню, что, когда совсем маленький был, у реки поле было овсяное. Я еще тогда говорил, что оно – геркулесовое. Нас туда на полевые работы посылали, в пионерский десант. Типа прогулки на свежем воздухе. А потом, когда уже постарше стал, пару раз по делам в этот же колхоз попадал. Так не было уже этого поля. Деревенские говорили – болото съело. И осушить не смогли. Вроде кто-то приезжал из Дворца пионеров – юный мелиоратор, что ли? – так он сказал местным юннатам, что сделать ничего не может... Да еще Ирка рассказывала, что будто бы дед ее подружки – старый большевик, ему уже пятьдесят шесть! – жаловался, что в деревнях у Двины посевные площади втрое сократились...

– Нет, товарищ председатель Тимуровского комитета, больше их не стало. Вроде бы даже меньше стало...

– А есть мы что будем, если полей уже сейчас – нехватка? А ну-ка, вспоминай, Волков: сколько раз только за этот год гарниры отменяли?

Бли-и-ин! А ведь и верно: чуть не раз в неделю мы мясо или рыбу без гарнира рубали. Раньше-то, как сейчас помню: и каша на завтрак, и макароны, и капустка там, свеколка...

А сейчас – только хлеба в обрез, картошка и морковь, которая после Тьмы чуть не самая урожайная культура. Иная морковочка на полпуда потянуть может... А все остальное – грибы, мясо да рыба...

Я молчу. А чего говорить-то? Хотя... Это что же получается? Мы, значит, с голоду подыхай, сухари вместо конфеток малькам отдавать станем, а буржуи разные будут сидеть, обжираться, руки потирать и ждать, пока мы от голода загнемся?

– Я, товарищ председатель Тимуровского комитета, так думаю: раз у нас еды мало – надо ее у скандинавов забрать! – Я непроизвольно сжимаю кулаки. – Зарницу им объявить и вырезать до последнего. Там земля есть, и поля можно...

Я собираюсь развить свою мысль дальше, но меня останавливает Евграшин. Мягким движением он, словно бы подружески, толкает меня в плечо и поворачивается к Бугрову:

– Вот, Алеша, именно об этой реакции я тебя и предупреждал. Смотри: глаза горят, кулаки сжаты, аж костяшки побелели. Четыре зарницы прошел, пятая ему – нипочем! Э-эх, Борис, – это уже ко мне, – да было б у нас таких, как ты, хоть двадцать тысяч – так бы и сделали. А как прикажешь поступать, если ребята вроде тебя – на вес золота?

Доброе слово и кошке приятно! Я расслабляюсь, и тут вдруг Бугров, совершенно не меняя своего мертвого выражения лица и не отводя своего мертвого взгляда, нагибается к столу и вытаскивает из него бутылку:

– Давайте-ка, мужики, выпьем по сто боевых. За то, чтобы на будущий год – в Артеке!

Если бы этот новогодний, хотя, в общем-то, вполне обычный тост произнес кто-нибудь другой, а не Бугров, которого скандинавские солдаты уже в пятнадцать лет прозвали «Вита дёден», когда он, командуя летучим звеном лыжников, наводил ужас на маатилы, кили, утпосты и прочие стады, я бы окончательно расслабился и выпил бы свои сто грамм без задней мысли. Но тут...

– И верно, – присоединяется Евграшин. – Давайте-ка мы с вами, ребята, выпьем за то, чтобы древняя столица пионеров всего мира снова зазвенела пионерскими голосами!

Мы чокаемся старинными рюмками, еще из Чехословакии, и опрокидываем их содержимое в себя. Э-эх! Хоть и говорят, что «первая – колом», но к данному напитку это явно не относится. Это вам не «Советская пионерская», не «Столичная пионерская», даже не «Особая комсомольская». «Гвардейская» – до сих пор пробовать не доводилось! Говорят, что есть еще какая-то «Большевицкая», но вряд ли она лучше, чем эта. Тонко отдает медом и, кажется, морошкой, а запах! М-м-м, вкусно...

– А вот скажи нам, Борис, как по-твоему: есть шанс Артек увидеть или нет?

Вот-вот, поэтому-то расслабляться в такой компании и нельзя! Не успели еще по первой, а Бугров – смерть белая – уже с вопросиками политическими. Ну, и что вот ему отве-

чать прикажете?..

– Так разве он не сказка? – невольно вырывается у меня.

Ой! Эти двое уставились на меня так, словно две холодные струи в лицо ударили. И даже взгляд от этих двух пар глаз, нацелившихся на тебя, точно орудийные стволы, ответить нельзя.

Евграшин смотрит внимательно, изучающее, а Бугров – тяжело, оценивающе. Так неудобно, как под прицелом этих взглядов, я еще никогда себя не чувствовал... Даже когда у меня, еще в минус втором отряде, запрещенную книгу нашли... Черт меня тогда дернул в поиске эту книжку с цветными картинками подобрать! Название – не по-нашему – «COSMOPOLITAN», а текст – по-русски. И описывалось там, что девчонкам в ребятах нравится. И девки там – в раздельных купальниках или в таких... не знаю, как оно называется, но все такое... полупрозрачное... Вот и не сдал тимуровцу, а хранил... Отчитывали меня на совете дружины ого как! Со стыда готов был сквозь землю провалиться. Когда к двум месяцам без личного времени приговорили – даже не испугался и не расстроился, а только рад был, что разбор моего дела закончился... Но тут...

– Слушай меня, Борис, очень внимательно, – наконец произносит Евграшин. – Все, что ты сейчас услышишь, – государственная тайна. Понял?

Я киваю, и он продолжает:

– Артек – есть! Земли, где он стоял, – полуостров Крым, –

не подвергались ударам во время империалистического нападения, которым враги пытались задавить нашу вторую революцию. Мы имеем самые точные данные, что там и сейчас живут люди, что зон опасности там практически нет и что... Алеша! Быстро воды! Сядь, мальчик, сядь... Все хорошо, все нормально...

Ага! Ничего себе «все нормально»?! Вот так тебе спокойно сообщают, что сказочный Артек, в который, пожалуй, даже и мальки из третьего отряда не очень-то верят, существует на самом деле! Да еще целый и практически невредимый... Еще скажите, что Дед Афган и первые вожатые правят, и будет все нормально... Совсем «нормально»!..

– Я ему лучше еще сотку плесну, – сообщает Бугров, и в моей руке, словно сама собой оказывается рюмка «Гвардейской». Я выпиваю, не ощущая вкуса...

– Ну, Борис, успокоился? – интересуется Евграшин. – Тогда я продолжу...

Рассказывает он долго. Оказывается, наша республика стоит на грани натуральной катастрофы. Из-за сейсмического воздействия ядерного оружия, которым империалисты всех стран устроили нам Большую Тьму, в нашей почве что-то нарушилось. Какой-то гидростатический режим. Потому-то у нас и болота поперли со страшной силой. И уже сейчас Пионерия – на волосок от голода.

Конечно, можно устроить полномасштабную Зарницу скандинавам и отобрать землю у них. Тем более что и раз-

ведка докладывает, что их этот катаклизм не коснулся. Только вожатые со старыми большевиками прикинули, что после такой войны и от нас не больно-то много останется. Процент двадцать, не больше. И основные потери придется на мелких – от октябрят и до нулевого отряда включительно...

– Так что, Борис, сам понимаешь – этот выход мы оставляем на самый крайний случай. Конечно, если нам ничего другого не останется – будет Зарница. Все пойдем, и никто нас не остановит. Но, возможно, есть и другой путь...

– Какой? – выдавливаю я, расплющенный грузом страшных новостей.

– Ты ведь знаешь, что довольно много людей уцелело здесь, на севере? И деревни остались, и оленеводы, и...

– Бредуны, конечно! – выдыхаю я.

– Правильно, Борис, бредуны! – кивает Евграшин. – А кто такие есть бредуны, откуда они взялись? Ведь до Тьмы никаких таких бредунов и в помине не было! Ни диких, ни ордынских!

– Так ведь уголовники это бывшие! Так нам тимуровцы на политинформации говорили!

– И это тоже верно! – усмехается Евграшин. – Тимуровцы врать не будут! Практически каждый бывший уголовник – бредун, но все-таки не каждый бредун – бывший уголовник!

Я в ответ на это заявление только удивленно хлопаю глазами. Это как вообще?

Евграшин, видя мое недоумение, разъясняет:

– Первоначально в бредунские орды сбивались уцелевшие люди из городов. Беженцы. Ведь деревенские часто не пускали их жить на свою землю, отгоняли оружием. Вот бредуны и начали... объединяться, чтобы взять себе силой... пропитание. И у них это получилось – люди в ордах, сам знаешь, безбашенные. А почему безбашенные? Так им терять-то нечего – дома нет, родные погибли... Вот этим они и брали – готовностью сдохнуть, но перед этим загрызть кого угодно. Это немного позже они мобсклады вскрыли и вооружились, а первые бредуны чуть ли не с кухонными ножами на деревенских нападали. Сначала они себе пропитание взяли, потом у них и другие запросы стали появляться – выпивка, женщины... А через несколько лет они принялись землю с крестьянами захватывать, вроде как бароны средневековые. А кому земли не досталось, те так и кочуют. Этих мы дикими зовем.

– Ага! – ошарашенно киваю я. Такого варианта истории появления бредунов мне до сих пор слышать не доводилось.

– Кстати, многие бредунские орды, сев на землю, перестали быть агрессивными, превратились в обычные крестьянские общины. По данным разведки, сейчас между нами и балтийцами образовалась такая буферная зона, в которой живет четверть миллиона человек. Из них способны держать оружие – не менее половины. Как думаешь, если стотысячная армия по Прибалтике ударит, то долго ли балтийцы продержатся?

– Да кому там держаться-то против такой силы? – хмыкнул я. – Ни дня они не продержатся! Кто успеет – сядет на корабли и уплывет к своим хозяевам в Скандинавию!

– Правильно мыслишь, Борис, молодец! – похвалил Евграшин, улыбнувшись кончиками губ. Бугров с самым мрачным видом хрустнул пальцами. – А почему эта сотысячная армия до сих пор на Прибалтику не напала? Почему в Тарту до сих пор самый большой невольничий рынок безбоязненно работает?

– Так... – задумался я. – Возможно, у них оружия подходящего не хватает?

– И это тоже! – подтвердил Евграшин. – Но самое главное – им единства не хватает! Население в буферной зоне разделено на общины и кланы. Многие враждуют между собой.

– И мы хотим направить туда сотню опытных бойцов и командиров, чтобы создать из местных отряды, объединить их и направить против балтийцев. А там, глядишь, и до скандинавов время дойдет! – внезапно сказал Бугров. – В двадцать седьмом году несколько десятков человек от нас на Запад сбежали. Многие из них теперь важные посты в тамошней иерархии занимают. Некоторые даже начали с нами сотрудничать, хотя назад и не рвутся. А в этот раз мы под видом беглецов от новой чистки отправим на Запад сотню-другую специально подготовленных бойцов. В том числе и с опытом командования, как у тебя!

– И если наша задумка увенчается успехом, то через

несколько лет в буферной зоне будет стоять многотысячная армия, готовая смести в море балтийцев, расчистив путь для нас. И нам не придется тратить на это скудные ресурсы, особенно людские! – добавил Евграшин. – Назовем эту армию Красной!

Глава 3

На следующий день меня, как и обещали, отвели в баню, оборудованную в кунге «Урала». Горячую воду никто не лимитировал, да еще здесь присутствовала самая настоящая парилка, и я с наслаждением помылся, отскребывая многодневную грязь. Обед тоже был неплох, хотя и без генеральских разносолов – гороховый суп из концентрата и гречневая каша с тушенкой. К еде полагалась «винная порция» – сто граммов разведенного спирта. Хорошего спирта, не технического, но не чета вчерашней водке. Однако во все времена высший комсостав питался лучше простых солдат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.